

Часть первая

Глава 1

«МЕГЕРА И КРОКОДИЛИЦА»

- Добрый день, Юлия Владимировна.
- Здравствуйте, Юлия Владимировна.
- Доброе утро, Юлия Владимировна.

На все эти приветствия Юлия Ракитина отвечала лишь коротким кивком. Но никого это не обижало и не задевало. Все работники фабрики «Мебель-прогресс» видели — хозяйка не в духе. Впрочем, как всегда.

Приехав на фабрику, она никогда не шла сразу к себе в кабинет — такое уж у нее было правило. Нет, Ракитина проходила по всем цехам, рискуя запачкать в пыли свою дорогую и модную одежду, заглядывала во все «закутки», в общем, делала все, чтобы от ее взгляда не укрылась ни одна мелочь. Довольно высокая для женщины — метр восемьдесят, да еще и каблуки-шпильки, — стройная, ухоженная, с элегантной короткой стрижкой

и всегда идеальным маникюром на тонких, длинных пальцах, она, пожалуй, была бы красива, если бы не постоянно недовольное, брезгливое выражение лица. Никто на фабрике никогда не видел хозяйку смеющейся или хотя бы улыбающейся. Казалось бы — еще не старуха, денег хоть отбавляй, в общем — живи и радуйся! Но Юлия Владимировна не радовалась.

С обходом фабрики она никогда не спешила. Если обнаруживался беспорядок, виновный тут же наказывался, причем чаще всего просто увольнялся. Рабочие шептались о том, что, увольняя человека, хозяйка испытывает удовольствие, отыгрывается на нем, вымещая на другом свою собственную боль или что там еще было у нее в душе. Впрочем, как все обстоит на самом деле, никто не знал — хозяйка была не из тех, кто откровенничает со своими подчиненными и обнажает собственную душу. Нередко человек открывается во время приступов гнева, но Юлия Владимировна была не из таких. Даже впадая в ярость, крича и вопя на подчиненного, она, в сущности, оставалась закрытой, словно в душе ее была стальная дверь, за которую она не пускала никого. Несмотря на довольно высокие зарплаты, текучка

на фабрике была большая — тяжелый характер хозяйки выдерживали немногие, да и провиниться, откровенно говоря, может любой человек, даже очень старательный.

Вот и сейчас она медленно прошлась по всем цехам, заглянула во все подсобные помещения, кроме разве что раздевалки. Директор Паша — Павел Григорьевич Воснецов — следовал за ней тенью. Это был еще молодой человек, слегка за тридцать. О производстве мебели он знал все или почти все, но на своем месте оставался в основном благодаря особенностям своего темперамента. Флегматичный Паша мог выносить хозяйку в любом настроении — и когда она орала на него не переставая, минут по пятнадцать, и когда в припадке гнева швыряла бумагой для принтера, ручками, карандашами и прочими канцелярскими принадлежностями. И даже когда она, выпив лишнего, требовала немедленно начать генеральную уборку, поменять местами все станки или сделать что-то подобное, столько же трудное и ненужное. Впрочем, последнее случалось редко — все знали, что хозяйка попивает, но по настоящему пьяной видели ее всего лишь несколько раз. Опытные в деле потребления горячительных напитков мужики утверждали, что

рано или поздно Ракитина обязательно сопьется и превратится в обычную алкашку, но пока, кажется, до этого было еще далеко — организм у Юлии Владимировны был крепкий.

Сегодня она не произнесла на фабрике ни слова — обычная ситуация в общем-то. Молча обойдет все, найдет к чему придраться и вот тогда уж откроет рот, чтобы наказывать, увольнять, поучать или насмеяться. Внимательно осмотрев цеха, в которых собиралась готовая мебель, Юлия Владимировна остановилась рядом с кромочным станком. Работавший на нем Саша Турин — молодой парень двадцати пяти лет — вжал голову в плечи. Сейчас разразится гром, и истеричная хозяйка примется орать. Вон как уже губы сжала!

Но хозяйка все еще молчала. Саше ничего не оставалось, как продолжить работу. Под тяжелым взглядом владелицы предприятия он наклеивал кромку из ПВХ на торцы деталей из ДСП, закрывая их серединку, чувствительную к любой влаге¹. Ракитина молча наблюдала за работой Саши минут пять, а потом направилась к себе в кабинет. Вслед за ней пошел и директор Павел. По своему опыту он знал — будет разнос. Когда хозяйка так мрачна и молчалива, другого просто быть не может.

И верно — Юлия Владимировна принялась пилить Павла, как только они вошли в ее кабинет. Даже еще в кресло сесть не успела, как уже начала зловецим тоном:

— Я только что была в нашем магазине! И знаешь, что я там увидела?

— Нет, конечно, — кротко ответил Паша.

Магазин у фирмы «Мебель-прогресс» был всего один. Хозяйка заезжала туда ежедневно — так же как и на саму фабрику. Продавцы боялись Юлию Владимировну не меньше, чем фабричные рабочие.

— Я увидела, что на полосатом шкафу отклеилась кромка! На двух фасадах и одном месте сбоку! — Хозяйка опустила в кресло, но сверлить Павла глазами не перестала. — Этот шкаф стоит уйму денег, Пашенька!

О стоимости полосатого шкафа Павел и так был прекрасно осведомлен. Это, собственно, был не просто шкаф, а несколько соединенных друг с другом изделий — и шкаф с зеркалами, и комод, и гнутая полочка сбоку. «Полосатым» его называли из-за цвета оригинального ДСП, который использовался при изготовлении. Смотрелось все это очень модно и стильно, но и стоило, конечно, немало.

— Его и так непросто продать, с учетом того, что сейчас на дворе кризис и люди деньгами не сорят! — с нажимом продолжила хозяйка. — А теперь его привезут назад, сюда, переделывать. Перевозка стоит денег, правда, Пашенька? Шкаф, конечно, разберут, иначе не отремонтировать. Это тоже кое-чего стоит. Потом переклеят кромку и соберут все назад. И опять отволокут в магазин. А денежки-то за все это капают и капают! И что мне прикажешь делать, друг сердечный? Попытаться переложить все на покупателей и добавить лишние издержки на ценник? Чтобы мы его вообще никогда продать не могли, да?! Или эти издержки оплатит кто-то другой? Ты, например? Или этот кромочник? Как его — Боря?

— Саша, — тихо поправил Павел.

— Я и так помню, что он Саша! — закричала хозяйка. — Я хочу получить ответ на два вечных русских вопроса — кто виноват и что делать! Ну, Паша, твои предложения?! Как сделать так, чтобы это никогда больше не повторялось и наши изделия были идеальными? Слышишь — чтобы кромка больше не отклеивалась никогда! Что для этого надо? Может, нам ее не клеить, а гвоздями прибивать?! — Ракитина

едко усмехнулась краешками тонких губ. — А что — новое решение, покупатели будут довольны. Может быть. Ну, а если не будут, я эти шкафы тебе продам, договорились?!

— Настройщика надо вызывать, — все так же тихо произнес Павел. — Клей на станке подается неравномерно, и своими силами мы эту проблему устранить никак не можем. Пусть специалист устраняет.

— Так ведь мы уже вызывали настройщика, два месяца назад! — сверкая глазами, напомнила Ракитина. — И заплатили ему такие деньги, будто этот станок не кромку клеит, а алмазы прямо из земли килограммами вынимает. И что?

— Станок с дефектом, который мы проморгали при покупке, — ответил на это Павел. — Его нужно продать и новый купить.

— Да-а? — протянула хозяйка. — А где я деньги возьму, чтобы разницу оплатить? Машину свою продам? Или квартиру? А может, твою почку? Какую продавать будем — правую или левую, а, Пашенька? Зачем тебе две почки, сам подумай! Ты и без них будешь парнем хоть куда!

На это Павел пожал плечами. Насчет почки — это было в манере хозяйки. Ракитина

если и шутила — что случилось крайне редко, — то юмор ее был зачастую по-солдатски грубоватым.

В это время во двор фабрики въехала машина, которая всегда использовалась для перевозки мебели.

— Ага, вот шкаф и подвезли, — сказала Ракитина злорадно. — Звони грузчикам, пусть выносят. И думай насчет издержек, думай! Я их покрывать не собираюсь! Я и так вас, бездельников, кормлю, плачу вам больше, чем другие работодатели-мебельщики, но что-то отдачи не вижу.

Павел вынул из кармана мобильный телефон и набрал начальника грузчиков. Без этого звонка грузчики к машине и не подошли бы. Все знали, что хозяйка не любит, когда работники ходят по фабричному двору — «без дела шляются», как она выражалась. Поэтому все и всегда находились в своих цехах. В туалет или покурить — в строго отведенное время. В другое время двор фабрики был совершенно пустым, разве что дворник меланхолично мел его в полном одиночестве. Что ж, правила есть правила! Об этих правилах всех, кто устраивался на «Мебель-прогресс», предупреждали сразу. Кому это не нравилось, тот мог на работу

просто не выходить. Людей, которые ей перечат, Юлия Владимировна не выносила.

Пока Павел отдавал распоряжения, Ракитина мрачно глядела в окно. Она отлично разбиралась во всем, что касается производства мебели, и прекрасно понимала, что директор прав, — станок купили с дефектом и по-хорошему надо бы приобрести новый. Но на какие шиши, она ведь не долларовая миллионерша?! Такой станок стоит большущих денег, если покупать новым и с гарантией. Покупать бывший в употреблении — глупо. Побывавшие в чужих руках станки, конечно, намного дешевле, но один уже купили и теперь мучаемся!

— Так как, Паша, кто будет оплачивать переделку шкафа? — спросила она, когда Павел отправил телефон в карман. — И не говори, что я!

Павел не успел ответить — внезапно с улицы донесся звук разбивающегося стекла и сразу за этим — громкая ругань.

— Кажется, это было зеркало, там больше нечему биться, — произнесла хозяйка задумчиво. — Ну что за люди — даже зеркало не могут перенести из машины в цех! Как ты умудряешься таких набирать, а Паша? Объявление, что ли, во все газеты даешь: «Все безрукие

и безмозглые, устраивайтесь на фабрику “Мебель-прогресс”»?! Пошли посмотрим на этого косорукого идиота!

И она резким движением встала с кресла.

Меньше минуты потребовалось Ракитиной и приунывшему Паше, чтобы добраться до того места, откуда слышался звон. Все было так, как и предполагалось, — огромное зеркало, украшавшее шкаф, было разбито вдребезги. Рядом с осколками переминались с ноги на ногу грузчики, рассматривая их, как будто от рассматриваний могло что-то измениться. Даже рабочие вышли из цеха — поглазеть. Сейчас они были уверены, что за нарушение правил втык не получат, — в ближайшее время хозяйке будет явно не до них.

— Так! Кто это сделал?! — Звонящий голос Ракитиной, казалось, было слышно в самых дальних углах фабрики.

— Это Кольша, — ответил кто-то из рабочих. — Он нес.

— Один?! Такое огромное зеркало?!

— Да, один.

— Паша, сколько у нас по штату грузчиков?

— Четверо, Юлия Владимировна.

— Тогда почему кто-то носит крупные зеркала в одиночку?! Что за кретинизм, честное

слово! И кстати, Кольша — это, собственно, кто?

— Новый грузчик, — ответил Паша. — Взят два дня назад на место Сергеевича.

Сергеевичем звали старожила фирмы, который проработал на ней дольше, чем Юлия Владимировна Ракитина ею владела. Ответственный, аккуратный, он не был похож на традиционных грузчиков. Алкоголя не пил, к хозяйскому добру относился как к своему. Неудивительно, что Юлия Владимировна на него надыхаться не могла, кричала крайне редко и платила больше, чем любому другому грузчику. Но неделю назад с Сергеевичем случился инсульт. Врачи говорили, что он проболует долго и таскать тяжести больше не сможет. Ракитина очень надеялась, что Сергеевич оправится. Его она обязательно взяла бы если не грузчиком, то хотя бы дворником или ночным сторожем. Ну, а пока на место Сергеевича срочно искали нового человека, и, как оказалось, нашли не совсем удачно.

— Так! — вновь прокричала хозяйка. — И где этот ваш Кольша? Покажите мне его!

— Да вот он! — сказал Паша. — У стены стоит.

Хозяйка фабрики посмотрела брезгливо туда, куда указывал Павел. Ее худшие опасения оправдались — у стены стоял худощавый, сутулый, сторбленный мужичок неопределенного возраста, лицо которого носило следы огромного количества алкоголя, выпитого им в течение жизни. Неопрятный, заросший щетиной, в перепачканных невесть чем штанах — Юлия Владимировна таких терпеть не могла. «У него, наверное, и руки трясутся», — пронеслось в голове. Но проверить это предположение Ракитина не могла — свои провинившиеся руки горе-грузчик зачем-то заложил за спину.

— Вы что?! — Она сделала шаг в сторону несчастного Кольши, впрочем, близко подойти побрезговала. — Вы что это себе позволяете, а?! Разве не знаете, что такие зеркала носят только вдвоем?! Оно стоит больше, чем вы заработаете за неделю! Вот что нам теперь делать, скажите на милость? Если даже я сейчас вас выгоню с удержанием зарплаты за те два дня, что вы здесь проработали, это не покроет расходы. Ну почему, почему вы считаете, что я должна оплачивать всю вашу небрежность, все ваши ляпы, а?!

Провинившийся грузчик смотрел в землю и ничего не отвечал. Лицо его оставалось

равнодушным. Казалось, что за прошедшие годы его столько раз ругали и оскорбляли, что ему теперь было абсолютно все равно. Ну орет хозяйка, и что? Бить ведь не станет, правильно? А от криков ему ни холодно ни жарко.

Оскорбившись тем, что грузчик даже и не думает извиняться или оправдываться, хозяйка фабрики принялась привычно изливать свой гнев на директора:

— Паша, почему ты берешь таких на работу? Ты вообще на него смотрел?! С каких это пор мы принимаем на фабрику законченных алконавтов?! Ты посмотри на него — как он мне оплатит разбитое зеркало?! Его ведь даже на органы нельзя продать — все проспиртованы!

— Он может отработать, — ровным голосом ответил Павел. — Из зарплаты за этот месяц мы вычтем стоимость зеркала...

— За месяц?! — воскликнула хозяйка. — Ты думаешь, что я буду его терпеть здесь целый месяц?! У нас что здесь — благотворительная фирма «Дом спасения алкоголиков», а?

Все присутствующие смотрели на нее и не заметили, что грузчик Кольша тоже поднял на Ракитину глаза. Лицо его утратило свое обычное равнодушное выражение. Теперь он глядел на Юлию Владимировну с несказанным

удивлением — брови его поползли вверх, всегда сонные, полузакрытые глаза широко распахнулись, а губы расплылись в кривоватой усмешке.

Между тем Ракитина продолжала бушевать:

— Ты, Паша, за кого меня принимаешь? За дурочку? За дурочку, да?! Чтобы я терпела на фабрике такого целый месяц?! Да он тут за месяц все изломает, он...

— Ракета, это ты?! — вдруг отчетливо произнес Кольша. — Вот так встреча! А волосы у тебя раньше длиннее были.

Все тут же уставились на него. Во-первых потому, что сказано было так громко, что не услышать было невозможно. Во-вторых, произнесено было нечто странное — при чем тут какая-то «ракета»? А в-третьих, все знали: перебивать хозяйку (мегеру, кровопийцу и крокодилицу, как частенько называли ее между собой рабочие) ни в коем случае нельзя. Она такого не прощает, и то, что будет после этого, никто не возьмется предугадать.

Глянув на Кольшу, все как по команде перевели глаза на хозяйку. Какие формы примет ее гнев? Это всем было интересно. Тем более что достаться-то должно было не им, а Кольше. Ну, в крайнем случае — Паше.

Но с хозяйкой творилось что-то непонятное. Внимательно взглядевшись в лицо Кольши, она вдруг сделала шаг назад и в испуге прижала пальцы правой руки к ярко покрашенным губам. Глаза у нее стали круглыми и беззащитными, словно она увидела привидение. Это было так неожиданно — вот какой-какой, а беззащитной Юлию Владимировну не видел здесь никто и никогда. Казалось, что сейчас перед ними не стервозная госпожа Ракитина, а совсем другой человек — обычная, уже немолодая женщина с не слишком удавшейся судьбой.

— Коля?! Ты? — проговорила она тихо.

И опять все как по команде обернулись к Кольше. Он тоже преобразился и больше не напоминал напакостившего грузчика, которому абсолютно безразлично, выгонят его сейчас с работы или нет. Теперь Кольша выпрямился, расправил плечи, высоко поднял голову, и оказалось, что он довольно высок — не ниже Ракитиной, даже когда она и на каблуках. Кольша скрестил мозолистые, грязноватые руки на груди и смотрел на Юлию Владимировну с самым глумливым выражением лица.

— Ага, именно я! — ответил он. — Вот стою и все думаю, Ракета, узнаешь ты меня или нет. Все же лет двадцать не виделись, а это долго,

целая жизнь. Ты не находишь, Ракета? Как там сказала одна поэтесса — «Годы мчатся быстро, без оглядки, пролетая, как пчелиный рой»?² Правильно сказано, Юлька, как ты считаешь? Мчатся годы-то, а? Или ты с этим не согласна? Твои годы ползут как черепаха?

Это было так странно — Кольша, цитирующий строчки из стихов! До этого он выглядел как человек, образованием не испорченный, возможно даже и в школе не учившийся. Впрочем, сейчас всем присутствующим стало ясно — они ошиблись в оценке этого мужчины. Перед ними явно был человек с высшим образованием, когда-то явно подававший большие надежды, в общем — спившийся интеллигент.

— Если честно, не ожидала... что ты — здесь, — пробормотала Юлия Владимировна. — «Ракета»... Ты еще помнишь это студенческое прозвище?..

Он осклабился, и стало видно, что ему не хватает больше половины зубов, а остальные в состоянии ужасном.

— Я-то?! — сказал он и хмыкнул. — Помню, Ракета, еще бы не помнить! Как начну иногда вспоминать былые денечки!..

Лицо Ракитиной побелело от ужаса. Всем до единого свидетеля этой сцены стало ясно:

она очень не хочет, чтобы Кольша, оказавшийся ее старым и наверняка близким знакомым, начал что-то там вспоминать вслух. Видимо, воспоминания эти могли быть такого рода, что их лучше скрыть от чужих ушей! Тем интереснее для всех они были — на фабричном дворе вдруг установилась такая тишина, что, казалось, муха пролетит и ту услышат все.

Грузчик Кольша тоже заметил это любопытство присутствующих, обвел всех презрительным взглядом, криво усмехнулся, а потом обратился к Ракитиной:

— Ладно, Ракета, не тушуйся. Ты меня никогда не жалела, зато я тебя пожалею — не стану позорить перед подчиненными. Давай продолжай управлять своими гавриками! А я, пожалуй, пойду. За стекляшку заплачу, будь уверена! Уж кому-кому, а тебе быть должным я не хочу. Бывай, Ракета! Не кашляй!

Сказав это, Кольша с независимым видом засунул руки в карманы и направился к выходу из фабрики. Это, в общем-то, было вопиющим нарушением дисциплины — без разрешения начальства покидать фабрику было запрещено строжайше. Но строптивного грузчика, оказавшегося близким знакомым хозяйки, никто останавливать не стал.

Глава 2

ГОРЕЧЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Вино красиво переливалось в бокале всеми оттенками рубинового. Юлии Ракитиной всегда нравилось смотреть на вино. Впрочем, не только смотреть, но и пить его. Она никогда не терпела вульгарное пиво или крепкий алкоголь — всякие там водки, виски и коньяки. А вот вино пила практически постоянно, ежедневно. Сестра Ленка много лет твердит о том, что Юлия пьет слишком много и закончит циррозом печени, но Юля ее не слушается. Ленка не имеет права ей указывать. Почему? Потому, что гусь свинье не товарищ и сытый голодного не понимает.

У Ленки есть муж, с которым она живет много лет. В их семье не все гладко, но у кого вообще гладко-то?! Семья есть семья, в ней всегда ссорятся-мирятся, ругаются-целуются, но главное ведь — живут вместе, живут! И сын

у Ленки есть. Не мальчишка, а загляденье. Красивый, умный, будущий компьютерщик, уже сейчас какие-то там программы пишет, и далеко не самые простые. На английском болтает как на родном, хочет китайский выучить, говорит, что за китайцами будущее. А что — может, он и прав. Может, конечно, и нет — вдруг будущее как раз за индусами, корейцами или, скажем, жителями Буркина-Фасо? Ну да ничего, пусть учит! Зубрить китайский лучше, чем лакать по подворотням пиво и нюхать всякие гадкие порошки. В общем, Ленка сравнительно счастливая жена и очень счастливая мать. И не ей указывать, как жить старшей сестре, у которой всего это нет!

Юлия отхлебнула вина, посмотрела в окно. Уже стемнело, но Большеград пока не погрузился в сон. Окна многоэтажек светились тысячами огней. Ракитина смотрела на эти огни и представляла, что там, за оконными стеклами, живет счастье. Тысячи и тысячи островков этого самого счастья! Вот только в ее квартире — большой и очень дорого обставленной — счастье так и не свило себе гнездо. Встретившийся сегодня Николай ей об этом так ясно напомнил! И вот теперь ей больно. Как же больно! Зачем, ну зачем она вышла

посмотреть на это разбитое зеркало?! Никакое зеркало не стоит той боли, которая теперь разрывает ей сердце.

Сколько же они с Колей не виделись? Давно, очень давно! Лет двадцать, так точно, — правильно он сказал. Сколько же она о нем не вспоминала? Пятнадцать лет, десять, пять? Нет, конечно, все не так, не нужно себя обманывать. На самом деле она всегда о нем помнила, мечтала с ним поговорить, да что там мечтала — говорила, говорила и говорила, представляя, что он ее слышит! И в то же время была почему-то твердо уверена — они больше никогда не встретятся. А оно вон как обернулось... В их технологическом институте они были звездами курса. Коля Анасенко тогда совсем не напоминал опустившегося грузчика Кольшу, в которого он превратился сейчас. Красивый, высокий, прекрасно играющий на гитаре, знающий огромное количество песен. Мечта всех девчонок, коих в тот год в технологический забрело немало. Девчонкам нравятся красивые и поющие — кого-то это удивляет?

И она — староста курса, организатор студенческих КВНов, праздников и всего, что еще можно организовывать в эти прекрасные юные годы. За неумную энергию ее быстро

прозвали Ракетой, хотя и фамилия Ракитина к этому располагала. Внешне она тогда была очень даже ничего — высокая, с фигурой манекенщицы и искрящимися светло-карими глазами. Тогда она часто улыбалась, а еще любила хохотать — громко, заразительно, заливисто! И насчет волос Коля правильно сказал — тогда они у нее были длинными, густыми, в общем, шикарными. Стричься коротко она стала гораздо позже.

Как же изменилось все! Впрочем, кое-что осталось прежним — она все еще стройная на зависть многим ровесницам. А вот у волос не только другая длина, но и цвет — Юлия уже много лет красится, чтобы скрыть пробивающуюся седину. И глаза перестали быть смеющимися, давно перестали. Подчиненные считают ее мегерой и кровопийцей. Еще, кажется, и крокодилицей — она такое однажды краем уха слышала, но растерялась, притворилась оглохшей и никак на это не отреагировала. В глубине же души она прекрасно понимала, что они правы, — вечно на всех орущая мегера и есть, чего себя обманывать-то? С такой жизнью станешь мегерой! Они думают, что если у нее водятся деньги, так она уже и счастлива. Глупцы! Деньги — это деньги, а счастье — это счастье. Вещи

совсем разные. Как в молодости говорил Коля, «это даже не синонимы».

И морщины пошли — около глаз и губ. Юлия пытается с ними бороться, но все усилия специалистов в салонах красоты не приносят желаемого эффекта, скажем честно. Уголки губ опустились, и сильно, как бывает у людей, чья жизнь не сложилась. Эти уголки губ визуально прибавляют ей лет — не скрыть их косметикой, не затушевать модными тряпками или серьгами с брильянтами. Они выдают то, что она, Юлия Ракитина, глубоко несчастна, и ничего с этим не поделаешь.

Бокал уже давно опустел, и Юлия налила себе второй. Закурила тонкую сигаретку. Ленка постоянно ее грызет не только за вино, но и за сигареты. Сама-то не курит. Может, и она, Юля, тоже не курила бы, если б у нее был муж и сын. Ну, или дочь. Или даже две. А так... А так получается — каждому свое. Кому-то семья, кому-то сигареты. И вино каждый день.

А вот Коля Анасенко явно предпочитает водку. Такие лица бывают только у тех, кто давным-давно легкого алкоголя не пьет. Только крепкий, чтобы побыстрее опьянеть, заплатив за это подешевле. В смысле — в деньгах. Сколько такие люди платят здоровьем,

им давно уже все равно. А каким он был! Каким же он был!..

Их роман тогда, чуть больше двадцати лет назад, всем казался неизбежным. В огромном десятиэтажном общежитии, где были комнаты и для юношей, и для девушек, Коля считался самым интересным юношей, а Юлия — наиболее яркой девушкой. Да они ведь и жили на одном этаже, только в разных концах коридора — она в 503-й комнате, а он — в 528-й! Идеальные условия для романа, не так ли? Хотя начался он почему-то не сразу. Первый курс и второй прошли без него. Хотя нет, не так — второй курс *почти* прошел. Они начали встречаться сразу после сессии, в июне, когда их всем курсом отправили на картошку. Тогда это было обычной практикой — студенты едут помогать колхозникам убирать урожай. Потому и называлось «на картошку», иногда — «на помидоры». Впрочем, в тот год ни картошку, ни помидоры они как раз и не убирали. Они пололи свеклу. Огромные, уходящие за горизонт поля свеклы. Пололи, обливались потом, потирали разболевшиеся спины, проклинали эту надоевшую помощь города селу и не знали: это очень скоро закончится. Только-только распался Советский Союз, капиталистическая экономика

идет на смену социалистической. И колхозы станут постепенно отмирать, так как не впишутся в новые реалии. А вместе с колхозами умрет и обычай отправлять туда студентов. Во всяком случае, студенты института города Большеграда тем летом ездили в колхоз последний раз.

Молодой организм вынослив, и в том жарком июне после утомительной работы на бескрайних свекольных полях у юных студентов оставались еще силы и на купание в речке, и на пение под гитару, и на дискотеки. Вот именно тогда между Юлией и Николаем вспыхнул роман. Как и полагается в студенческое время, все было красиво и ярко. Юля и Коля не сомневались, что они вместе навсегда... Эх, что тут сказать? Молодо — зелено...

Опустел второй бокал, и Юлия налила третий. В голове начинало шуметь. Опынение давно уже не приносило ей радости. Откровенно говоря, никогда не приносило. В юности она вовсе не любила вино. И если бы ей кто-то сказал, что наступит время и она будет пить его ежедневно, ни за что не поверила бы.

Она пригубила рубиновый напиток и почти не ощутила вкуса. Неожиданная встреча с Колей растрожила ей душу. Сколько же они

не виделись? Двадцать лет? Да, двадцать... Как много! Если подумать — целая жизнь!..

Тогда, юной студенткой, она довольно быстро забеременела, что никого не удивило — дело молодое. Тем более что наступила такая чаемая многими свобода — нарушителей морали больше не вызывали на партсобрания, им не грозило исключение из комсомола. Даже общественное осуждение им не грозило, тем более что все знали — у Коли с Юлей на самом деле любовь, настоящая, почти как в кино, и они скоро поженятся.

Правда, идти в загс с заявлением они не спешили. Не из-за того, кто кто-то из них не хотел этого брака, а из-за простой юношеской безалаберности. Когда отнесли-таки туда паспорта, уже была зима, а округлившийся живот Юлии не оставлял сомнения в том, что материнство не за горами.

Ссорились ли они с Колей? Да конечно ссорились! Двум лидерам трудно обойтись без этого. Ссоры у них тоже были бурные, под стать темпераменту обоих. Но потом мирились, конечно. Как не помириться, когда такая любовь?

Хоть убей, она не могла вспомнить, из-за чего же они поссорились в последний раз.

Помнила только, что после ссоры она помчалась организовывать очередное мероприятие. На этот раз — отмечание «горки».

«Горка» — специфический студенческий праздник, который бывает только один раз — после сдачи пятой сессии. Два с половиной курса позади — половина студенческой жизни, значит. Следовательно, «горку» перевалили, теперь до конца обучения ближе, чем до его начала. И разумеется, нет повода не отпраздновать!

Они так и не помирились до отмечания. А когда сели за стол, надутый и непривычно молчаливый Коля как-то очень быстро надрался, окосел да и пропал куда-то. Юлия его не искала, конечно. Еще чего! Она девушка гордая и бегать ни за кем не станет. Но праздник, безусловно, был безнадежно испорчен. Куда делся Николай, никто не узнал до самого утра. Только утром Юле донесли — ее Коля ночевал у одной первокурсницы, настолько тихой и незаметной, что Ракитина даже имени ее не знала. Что ж получается? В тихом омуте сами знаете кто водится, да?!

Тут Юлию прорвало, конечно, и она, изнемогая от ярости, помчалась выяснять с «разлучницей» отношения. Правда, та клялась, что ничего «такого» не было. Николай, которого

она и знать не знала, без стука завалился в ее комнату, не говоря ни слова, бухнулся на кровать и моментально заснул. Свободная кровать как раз была — соседка по комнате уехала к родителям, у нее заболела мама. «Разлучница» утверждала, что пыталась разбудить Николая, но тот не просыпался. Вытащить в коридор такого здоровенного непрошеного гостя она, конечно, не могла, поэтому просто сидела на своей кровати, пробовала читать, но не могла, так как ожидала от «гостя» всяких пакостей, а под утро задремала. Пакостей, кстати, к счастью, не дождалась — «гость» благополучно прохрапел до утра. То, что он в ботинках и полностью одет, вовсе не помешало молодцецкому сну.

На едкий вопрос Ракитиной — почему она в таком случае не пошла ночевать к какой-нибудь подружке, «разлучница» внятного ответа дать не смогла. Не сориентировалась просто. Да и нет у нее в общежитии подруг, не завела как-то.

Юлия не поверила ни единому слову. В гневе решила — тихоня просто воспользовалась ситуацией. То, что Николай мог и на самом деле случайно забрести с чужую комнату, было вполне вероятным — «разлучница» жила в 428-й

комнате, то есть ее временное жилище находилось как раз на этаж ниже комнаты Николая, а он ведь был настолько пьян, что мог и перепутать этажи. Сам Николай тоже утверждал, что ничего «такого» не было, он знать не знает эту девицу и вообще не может понять, чего Ракета к нему пристает с глупыми подозрениями. Но уж чьи-чьи, а Колины слова звучали совсем не убедительно. Юля несколько раз видела его сильно пьяным и прекрасно знала — он по утрам никогда не может вспомнить, что было ночью, а чего не было. Говорили, кстати, что такая амнезия — первый признак того, что человеку срочно нужно бросать пить, иначе он со временем полностью сопьется. Но Николай, разумеется, на эти слова не обращал внимания. Сопьется? Он?! Да никогда в жизни! Это с другими может произойти, но только не с ним!

А ведь правду люди говорили — разве нет? Их сегодняшняя встреча прекрасно это доказала! Замызганный грузчик Кольша — вот во что превратился красавец Коля Анасенко. Из-за водки превратился, конечно.

Юлия вздохнула, обнаружила, что третий бокал выпит, и тут же налила четвертый. Она многое отдала бы за то, чтобы отвлечься и пре-

кратить мучить себя воспоминаниями. Но она не могла. Воспоминания накатывались волна за волной, причем следующая волна была больше предыдущей. По закону жанра положено, чтобы у нее по щекам текли слезы, а она не замечала их. Но Юлия не плакала. Она вообще относилась к той категории женщин, что плачут крайне редко.

Итак, тогда, двадцать лет назад, факт измены был налицо, ну, или почти налицо. Быть может, девушка с более спокойным нравом и попыталась бы все замять, сделав вид, что поверила возлюбленному. Но Юлию не зря называли Ракетой. Если ей что-то приходило в голову, она начинала действовать, и никто не мог ее остановить. Она тут же решила порвать с Николаем, забрать заявления из загса и избавиться от ставшего нежелательным ребенка.

Первое и второе оказалось довольно простым. В загсе заявление ей вернули без лишних вопросов, а говорить о чем-то с Николаем — изменщиком и подлецом — она отказывалась напрочь. С третьим вопросом было сложнее. Аборт на восьмом месяце беременности незаконен, разве что для него имеются серьезнейшие медицинские рекомендации, то есть

у женщины начались такие проблемы со здоровьем, что «роды» и «смерть» означают одно и то же, да и сделать кесарево сечение нет никакой возможности. Юлия же была вполне здорова и родить ребенка могла, только не хотела. К сожалению, в мире многое может быть решено с помощью денег. Особых средств у Юлии в то время не было, зато имелся богатый знакомый — однокурсник Валерик со смешной фамилией Вовчок. Раньше он промышлял фарцовкой, теперь, несмотря на то что учился в вузе, заделался «челноком», таскал из Турции баулы с кожаными куртками и спортивными костюмами. Деньги у него водились, и немалые, а главное — он был влюблен в Юлию с первого курса. Она попросила у него денег на аборт, много денег. В займы, конечно; обещала отдать, хотя и не сразу, частями. И Валерик ей эти деньги дал. За деньги Ракета приобрела нужную справку. Аборт ей сделали в кратчайшие сроки.

Николай также был парнем резким, под стать Ракете. Узнав, что натворила его возлюбленная, он забрал свои документы из института и отправился в военкомат. После этого Юля его не видела. Слышала только, что в очень скором времени Николай оказался в армии,

а после нее вроде бы подался в Боснию, где как раз пылала война. Но был ли он на самом деле на той войне, Юлия не знала. Она вообще ничего о нем не знала — сгинул и сгинул. Так было до сегодняшнего дня, когда она увидела яркого и обаятельного Колю Анасенко в образе опустившегося, вконец спившегося грузчика Кольши.

Сама же она вышла замуж меньше чем через год — за Валерика. Он тогда совсем забросил учебу, зато ковал деньги, и довольно успешно, — тогда такое было время. Кто-то стремительно беднел, кто-то, наоборот, быстро богател. Валерик относился к последним. Ракета решила, что с Валериком ей будет не скучно, интересно. И что затянутся душевные раны, полученные ею той памятной зимой. Только фамилию свою оставила — настояла на этом. Не захотела быть Юлией Вовчок.

Вышла замуж — и не угадала: с Валериком ей жилось плохо. То есть в материальном плане он процветал — вскоре поездки за барахлом в Турцию были забыты, Валерик открыл несколько предприятий и прикупил пару автозаправок. Но вот характер от этих денег у него лишь ухудшился, а может, и всегда был таким. Валерик много пил, заводил любовниц.

Интересно то, что почти открытые измены мужа были для Юлии совсем не так болезненны, как предполагаемая измена Николая, — откровенно говоря, Валерика она совсем не любила. Но и не хотела мириться с тем, что у нее за спиной смеются. Скандалы следовали один за другим, и однажды Валерик ударил ракету. Она как раз устроила ему сцену после того, как он в очередной раз пропал куда-то на три дня. После этого Юлия ушла от него. Собственно, они и прожили-то вместе совсем мало — чуть больше двух лет. Потом еще два года жили порознь, лишь считаясь мужем и женой.

Валерик обожал свою машину — дорогуший «СААБ» — и летал на ней, словно на дороге, кроме него, не было никого. Еще он обожал стимуляторы и постоянно ими пользовался. Он начал с простого кофе, заваренного с кокаколой, а закончил амфетаминами и кокаином. Юлия так и не узнала, что за стимулятор принял Валерик в свой последний день. Но гнал он не меньше двухсот километров в час, когда не вписался в поворот и вылетел с трассы. Шансов выжить после такой аварии у него не было никаких.

Юлия похоронила Валерика, и оказалось, что у него водились не только деньги, но

и долги — Юлии как официальной жене пришлось их уплатить. Автозаправки и большинство предприятий были проданы. Но кое-что и осталось — Ракитина сумела сохранить за собой шикарную квартиру, небольшую фабрику по производству мебели и мебельный магазин. Она справилась со всем этим хозяйством, не могла не справиться — ведь она Ракета, энергичная, хваткая умница, а не кто-нибудь!

Вот только личная жизнь не задалась. Да, у нее порой случались романы, но ни один из них нельзя было назвать словом «любовь». И к браку не мог привести ни один из них. И забеременеть у нее больше не получалось, даже методом ЭКО³, — она несколько раз пробовала. Комната, отведенная под детскую в огромной квартире, имелась, а вот детей не было. Собственно, фабрика да магазин — в этом и состояла жизнь Юлии. А в остальном — пустота, которую можно, конечно, долго заливать вином, но залить до конца нельзя, нельзя!..

Эх, вот ведь судьба человеческая! Снаружи — успешная женщина, при своем бизнесе, при деньгах, машине, за границу отдыхать ездит. А на самом деле — человек с искалеченной судьбой. Женщина без семьи счастливой

быть не может. Во всяком случае, для 99 женщин из 100 эти слова справедливы.

Юлия не видела Николая двадцать лет — даже, кажется, чуть больше. Но она всегда помнила о нем. И частенько — после третьего или четвертого бокала — спрашивала себя: может, она и в самом деле тогда погорячилась? Может, во время той зимней ночи и на самом деле ничего «такого» не было?

Глава 3

РЕШЕНИЕ НАЗРЕВАЕТ

На следующий день Юлия Владимировна вопреки обыкновению не заехала первым делом в магазин, а с самого утра прибыла на фабрику. Но и здесь она изменила своим привычкам. Не стала сразу делать обход, а направилась в свой кабинет. Там она выслушала отчет несколько удивленного такими переменами Павла, причем не произнесла ни слова, а только пару раз кивнула головой. Даже когда он сказал, что новое зеркало вместо разбившегося вчера уже заказано, она не спросила, за чей счет. Когда Павел, рассказав все последние фабричные новости, замолчал, Юлия коротким жестом руки отослала его прочь и только после этого произнесла первые слова — попросила плотнее закрыть за собой дверь.

Павел удалился, и Юлия осталась в своем кабинете одна. Работать не хотелось совершенно. Душевное равновесие, нарушенное

после встречи с Николаем, никак не желало восстанавливаться, да и голова болела — вчера она, вспоминая все и предаваясь вполне понятной грусти, перебрала с алкоголем, и довольно сильно. Часа полтора Ракитина или просто смотрела на полированную крышку своего давно знакомого дубового стола, или листала в компьютере глупые, неинтересные и совершенно ненужные новости.

Впрочем, было у нее и еще одно занятие — она пыталась не смотреть в окно. Та часть двора, где работают грузчики, загружая машину готовой мебелью или разгружая купленные снабженцем материалы, была не слишком хорошо видна из ее окна. И все же если глядеть в левый нижний угол идеально чистого оконного стекла, то рассмотреть работяг было можно вполне. Вот Юлия и пыталась не рассматривать, не коситься и не искать глазами. Не пытаться увидеть *его*. Она старалась изо всех сил, и это у нее даже получалось. Во всяком случае, почти.

Но нельзя сидеть на месте бесконечно, тем более что бездействие претило деятельной натуре Ракеты. Ближе к десяти утра она все-таки оторвалась от любимого кресла и вместе со своей неизменной тенью — директором

Павлом — отправилась на обход. Юлия составила свой маршрут так, чтобы попасть к грузчикам в самую последнюю очередь, но фабрика «Мебель-прогресс» невелика, и, даже если идти медленно, ее можно обойти минут за пятнадцать-двадцать. Поэтому вскоре Ракитина очутилась рядом с машиной фирмы, в которую как раз загружались изящные книжные полки. Грузили их три человека, и Николая среди них не было.

— Паша, а где четвертый грузчик? — спросила Ракитина. — Этот... — Она замялась, покраснела и добавила фальшиво: — Этот ваш Кольша. Где он, а?

— Не вышел, — ответил Павел. Он прекрасно понимал, что дело не в нарушении трудовой дисциплины, а в чем-то гораздо более личном, а потому деликатно смотрел в сторону. Но поскольку Ракитина промолчала, то Павел счел необходимым добавить: — Как вчера ушел с фабрики, так его и не видели. Да и вряд ли он выйдет на работу — вы вчера ясно дали понять, что такой работник вас не устраивает.

— И что, мы даже его трудовую книжку не брали? — сухим деловым тоном осведомилась Ракитина.

— Нет, Юлия Владимировна, у нас все и всегда устраиваются по трудовой. Вы ведь сами строго-настрого приказывали вчернюю работников не брать.

— Приказывала, да, — согласилась Ракитина. — И где же его трудовая?

— Где и все остальные — у меня в сейфе.

— И он за ней не приходил?

— Нет, — ответил Павел, потом немного помялся и добавил: — И я не думаю, что он придет за ней в ближайшее время. С этими алкоголиками постоянно так — если нашли за что выпить, могут за своими документами долго не заходить. Неделю, две, а то и месяц. Пока есть на что пить, трудовая ему без надобности. Видимо, Кольша вчера средства на выпивку раздобыл и теперь на фабрике может появиться не скоро.

Он боялся, что Ракитина опять напустится на него, как вчера, — мол, зачем тогда такого брали? Но она лишь покивала неопределенно, а потом сказала:

— Когда он придет за трудовой книжкой — сообщите мне. Обязательно, договорились?

Это было странно — Ракитина на фабрике ни с кем и никогда не *договаривалась*, она

только приказывала. Паша коротко кивнул соглашаясь, но затем решил уточнить:

— А если вас не будет на фабрике? Задержать Кольшу, чтобы вас дождался?

— М-м-м... — Она замялась. — Даже не знаю... В общем, ты мне тогда позвони, а я тебе скажу, что надо делать.

После этого Ракитина ушла в свой кабинет и вновь до обеда пролистывала пустые страницы в глупых соцсетях. Она всего этого не любила и тех, кто часами сидит в соцсетях или компьютерных играх, искренне считала дураками и тунеядцами. Но сейчас ничего поделать с собой не могла. Деятельная натура Юлии требовала осознать случившееся — что Коля Анасенко вновь повстречался на ее пути, пусть и в образе опустившегося пьянчужки Кольши, — и как-то на это отреагировать. Но как именно, она еще не знала, а потому листала страницы с неинтересными ей статьями и чужими фотографиями — листала, листала, листала, по сути ничего в компьютере не видя, не осознавая, не запоминая...

Эх, Коля, Коля... Да, разумеется, они расстались давным-давно. Да, разумеется, у каждого из них своя жизнь. И уж конечно, не поспоришь с тем, что они сейчас очень отличаются

от тех молодых людей, какими были тогда, двадцать лет назад. Но ведь и не скажешь, что они друг другу совсем уж чужие, верно? Та давняя любовь, как выяснилось, была очень крепким «клеем» и приклеила их друг к другу — сердце к сердцу. И когда они расстались, то у каждого из них кусочек сердца да и оторвался, осталась рана. О, с ней можно жить, можно! Но до конца она не заживает. По крайней мере, у нее, у Юлии Ракитиной. Да и у Коли, скорее всего, тоже.

Пока они не виделись, с этой ранкой вполне можно было мириться. Ну сожмется иногда сердце — и что? Сожмется, да и отпустит. Не так уж это и больно, откровенно говоря. А вот теперь ранка разболелась всерьез. Невыносимо? Нет, выносимо. Но всё равно болит довольно ощутимо! И вот что со всем этим делать, скажите на милость, а?

Ближе к обеду решение начало выкристаллизовываться с деятельным умом Ракеты. Это было сложное, можно даже сказать парадоксальное решение, но уж чего-чего, а сложностей Юлия Ракитина не боялась никогда.

Обедать она обычно ездила в ближайшее кафе, но сегодня решила быть демократичной — попросила принести в свой кабинет то,

чем потчевали рабочих. На фирме «Мебель-прогресс» один раз в день рабочих кормили горячим, и это считалось большим плюсом на рынке труда. Отведав обед, Юлия решила, что он неплох и повар, пожалуй, заслужил в этом месяце небольшую премию: и дело свое знает, и продукты наверняка не ворует. Впрочем, на «Мебель-прогрессе» не воровали и остальные. Все были осведомлены о том, что хозяйка этого терпеть не может. Однажды даже сдала в полицию (тогда еще в милицию) человека, который пытался вынести с фабрики дорогую итальянскую фурнитуру⁴. Не просто выгнала, а именно сдала, заявление написала, в суд явилась! Бедняга получил условный срок. На всех прочих рабочих эта история произвела сильнейшее впечатление. И всем новым работникам старожилы обязательно говорили: здесь место особое и лучше, чтобы к рукам не «прилип» ни один конфирмат⁵. Чревато.

После обеда Юлия не выдержала и сделала-таки то, что одновременно и собиралась, и не собиралась делать, — позвонила Ленке, своей младшей сестре. Елена Ракитина много лет назад тоже покинула родной Тартаров и перебралась в Большеград вслед за Юлией.

Типичная история для неглупой девушки из маленького города: так же как и старшая сестра, Лена поступила в вуз, окончила его, вышла замуж за уроженца Большеграда и теперь жила на другом конце огромного города, в двух часах езды от Юлии, если добираться на маршрутке.

Они созванивались не каждый день, но все-таки поддерживали хорошие, дружеские отношения. Впрочем, сестра была совсем другим человеком — спокойная и мягкая, она вовсе не походила на порывистую ракету. Сегодня Юлии не казалось, что Лена ее поймет, — темперамент другой, да и жизненные обстоятельства иные. И все-таки из всех, с кем Ракета поддерживала сейчас отношения, лишь сестра знала, кто такой Коля Анасенко и что он значил в жизни Юлии. Родители знали тоже, но они умерли несколько лет назад. Оба от рака — сначала мама, а после, через год, и отец.

Интересно, передается ли склонность к раку по наследству? Юлия однажды читала, что вполне может быть. И это означало, что и у себя можно со временем ожидать такую напасть. Впрочем, это будет потом, а значит, сегодня о всяких проблемах с онкологией можно

не думать. И так есть от чего голове пухнуть, разобраться бы с теми проблемами, что есть сейчас, а завтрашние будем решать завтра!

— Привет! — отрывисто сказала Юлия, когда ей в трубке ответили.

Лена сразу же поняла, что с сестрой что-то не так.

— Привет. А что у тебя с голосом? Юлька, у тебя что-то случилось, да? Чего ты молчишь, у тебя все в порядке? И только не ври мне, хорошо? Я ведь всегда могу понять, когда ты врешь.

— Я и не собиралась врать, — ответила Юлия. — И — да, случилось. Вчера я встретила Колю. Колю Анасенко, я имею в виду. — Лена молчала — услышанное ею было событием, да еще каким! — Он теперь алкоголик и работает грузчиком у меня на фабрике! — продолжила Юлия. — То есть он не знал, что фабрика именно моя, а то, скорее всего, не устроился бы. Представляешь?

— Не представляю, — созналась Лена. — Но, наверное, представлю, если ты мне расскажешь все по порядку.

И Юлия рассказала. Собственно, и рассказывать-то было нечего — вся история уместилась в три минуты. Но, когда прозвучали последние

слова «и теперь он не приходит на работу, хотя его трудовая у нас в сейфе», Лена поняла, что это не точка в истории, а, скорее, запятая.

— Юль, и что ты теперь намерена делать? — спросила она осторожно.

Юля тут же вспылила:

— А с чего ты взяла, что я вообще что-то буду с этим делать?!

— Ну, Юль, ты из меня дурочку не делай, хорошо? — попросила Лена. — И кричать не надо. Просто я знаю тебя, сколько живу, — целых тридцать семь лет — и абсолютно уверена, что ты просто так этого не оставишь. Ты ведь в этом плане не похожа на других, тебе недостаточно просто поплакать и дальше жить как жила. Здесь ты поступаешь как мужик — на любой вызов тебе непременно нужно ответить каким-нибудь действием.

Юля молчала, и молчание это было красноречивее любых слов. При этом она покусывала авторучку, что с ней бывало только в случаях крайнего волнения. Помнится, тогда, двадцать лет назад, у нее все ручки изгрызены были...

Лена вздохнула — кажется, ее любимая сестра уже решилась на безумие.

— Юль, — осторожно произнесла Лена. — Что ты думаешь о поговорке: «В одну реку

дважды не войдешь»? В том смысле, что когда тыходишь во второй раз, то это уже немного другая река, да и ты сама другая?

— Это кто сказал? — буркнула Юлия.

— Кто-то из древних греков, кажется.

На это Ракета тут же взорвалась и раскричалась:

— Много они понимали, эти твои древние греки?! Особенно в моей жизни!

— Они — не знаю. А я вот точно многого не понимаю, — примирительным тоном ответила Лена. — Например, почему ты до сих пор о нем думаешь. Да и зачем тебе все это? Неужели от той давней любви что-то осталось?

На этот раз вздохнула уже Юлия.

— Ну о чем ты говоришь, Лен? — ответила тихо, так как ее гнев быстро улетучился, как воздух из проколотого шарика. — Какая еще любовь? Столько лет прошло! Так, только тоска иногда накатит... Но это не любовь, конечно.

— Тогда что же? — спросила сестра. — Ну встретился тебе этот Коля и встретился! Больше вы наверняка встречаться не будете — он ведь гордый, как и ты, уволится с твоей фабрики обязательно. А в других местах вы встретиться не можете. Он ведь не ездит отдыхать в Турцию

или в Англию, а ты не сдаешь по утрам пустые бутылки. Где вам встретиться-то, а?

— Да, конечно. Но...

— Но — что? Что тебя тревожит? Ты можешь объяснить толком, Юль?

— Могу, наверно, хотя это и трудно, — проговорила Ракета. — Видишь ли, жизнь у меня плохо сложилась, ты знаешь. Мужа нет, детей нет. Некоторые не слишком умные люди думают, что счастье зависит от количества денег. Но я-то знаю, что это не так, счастье и деньги совсем не одно и то же! Счастья хочется, но нет его у меня, Ленка! Ну просто никакого нет, даже малюсенького, сама понимаешь. И вот я думаю — наверно, тогда, двадцать лет назад, я совершила самую большую ошибку и тем испортила жизнь — и себе, и ему.

— Возможно, — осторожно согласилась Елена. — Но ведь все уже сделано. Правильно или неправильно, а прошлого не вернуть.

— А как ты думаешь — если попытаться эту ошибку исправить? — Это прозвучало так робко, так непохоже на знающую всегда всё лучше всех Ракету! — Может, все и наладится? Как ты думаешь, Лен?

Елена помолчала. Она на самом деле хорошо знала свою решительную и бесшабашную

сестру и с самого начала разговора подозревала, что именно этим может и закончиться. И если бы нынешний Коля Анасенко напоминал того блестящего Колю, двадцатилетней давности, она не стала бы возражать. Но сейчас, когда он просто опустившийся грузчик, чуть ли не бомж у помойки?!

Конечно, Лена прекрасно понимала, как важно для сестры наладить свою личную жизнь. Но, откровенно говоря, хорошей идея сестры совсем не выглядела. Лена Кузина — в девичестве Ракитина — знала три случая со своими знакомыми, когда люди, расставшиеся много лет назад, сходились опять. И ни один из этих случаев не закончился ничем хорошим! Вот только как это объяснить упрямой Юлии?

— Юль, я все понимаю, но постарайся не гнать коней и подумать трезво, — нерешительно возразила Лена. — Он ведь алкоголик. Алкоголик! А ты сама знаешь, как трудно вытащить человека из всего этого. Практически невозможно.

На этот раз настала Юлина очередь молчать.

Да, конечно, она все это и сама понимала. Разумеется, сестра права, как часто бывает. И все-таки есть разница: смотреть на ситуацию,

когда у тебя есть муж и замечательный сын — вот как у Ленки, — или глядеть на нее, оставшись одной у разбитого корыта. Пусть корыто не деревянное, а почти золотое, но все-таки разбитое!

— Я понимаю, — вздохнула Юлия в трубку, так как Лена ждала ответа. — Но, кажется, я все в жизни перепробовала, кроме этого. Может, это мой единственный шанс на счастье? Мой последний шанс, а?!

Елена обреченно покачала головой, хотя сестра и не могла ее видеть. Прошлый роман с Колей Анасенко закончился такими ранами в сердце сестры, что они не заросли до сих пор. И что будет, если новый роман начнется и вдруг закончится такой же катастрофой, как и тот, юношеский? Ей, Елене, придется собирать сердце сестры по осколкам, да? Лучше бы она выбросила из головы все эти глупости, пока дело не дошло до новой беды! Но, конечно, Юля ее не послушается. Она никогда и никого не слушалась. Может, потому и судьба у нее такая, горемычная?!

— Юль, ты не спеши, еще раз подумай, а? — простионала она в трубку. — Все тщательно взвесь, хорошо?

Юлия пообещала всё тщательно взвесить, и они попрощались. После этого у Елены до вечера испортилось настроение — она прекрасно понимала, что обещание Юлии — пустой звук: ничего взвешивать она не будет. И Юлия знала это тоже. Решение ей самой не казалось таким уж хорошим, но оно было принято, а сворачивать с выбранной дороги Ракета не умела.

Содержание

ЧАСТЬ 1

<i>Глава 1.</i> «Мегера и крокодилица»	7
<i>Глава 2.</i> Горечь воспоминаний.....	24
<i>Глава 3.</i> Решение назревает	41
<i>Глава 4.</i> Малосемейка	56
<i>Глава 5.</i> Ракета делает петлю	69
<i>Глава 6.</i> Обратного пути у жизни просто нет?	82
<i>Глава 7.</i> «Белочка»	97
<i>Глава 8.</i> Думай, Коля, думай!	108

ЧАСТЬ 2

<i>Глава 1.</i> Возрождение агапы — вечера любви.....	119
<i>Глава 2.</i> Нужно ли женщине высшее образование?.....	140
<i>Глава 3.</i> Как решить давнюю проблему?	162
<i>Глава 4.</i> Что вы сделали с моей женой?.....	186
<i>Глава 5.</i> Ложная дорога	214
<i>Глава 6.</i> Незадавшийся день	225
<i>Глава 7.</i> Я не понимаю, что со мной!	237
<i>Глава 8.</i> Попробуем подойти к делу иначе?.....	257

ЧАСТЬ 3

<i>Глава 1.</i> Ракета меняется	273
<i>Глава 2.</i> Диана.....	284
<i>Глава 3.</i> Вот это новость!	307
<i>Глава 4.</i> Лекция	321
<i>Глава 5.</i> Встреча	343
<i>Глава 6.</i> Жизнь Максима Воеводина.....	360
<i>Глава 7.</i> Страсти поднимают голову	382
<i>Глава 8.</i> Поговорили.....	402
<i>Глава 9.</i> Я никуда тебя не отдам!	418

ЧАСТЬ 4

<i>Глава 1.</i> Нежданная радость	435
<i>Глава 2.</i> Как же так?	446
<i>Глава 3.</i> Враги человеку — домашние его... ..	460
<i>Глава 4.</i> Побеждая себя	479
<i>Глава 5.</i> Смиряться со своим крестом.....	497
<i>Глава 6.</i> Неожиданная поддержка	512
<i>Глава 7.</i> У меня — всё!.....	522
<i>Глава 8.</i> Борения	533
<i>Глава 9.</i> Ты молодец, мама!	552
Эпилог.....	568
Примечания	578